

В день завершения съёмок сцен Лу Няня Лянь Чжэн специально дал всей съёмочной группе полдня выходного, и все вместе пошли отдохнуть за едой, чтобы проводить Лу Няня. В съёмочной группе Лу Нянь лучше всего ладил именно с Лянь Чжэном и Су Цинчэном. Любопытнейшим мог заметить, что Лянь Чжэн относится к Лу Няню с необычайной заботой. Хотя режиссёр был щедрым, часто угощал всю группу за свой счёт, но, кажется, только Лу Нянь любил морепродукты и никогда не уставал от них.

Сам Лу Нянь тоже немного чувствовал, что Лянь Чжэн о нём заботится. Лянь Чжэн был изящным в общении, разговаривать с ним было приятно, и Лу Нянь неплохо с ним ладил, но только неплохо.

По сравнению с Лянь Чжэном, Лу Нянь был ближе с Су Цинчэном.

Будучи популярным молодым актёром в зените славы, Су Цинчэн с незнакомыми людьми был холодным и высокомерным. Но с теми, кто ему нравился, он был как тёплый весенний ветер. Лу Няню посчастливилось стать для Су Цинчэна вторым типом людей. Их дружба началась с одного совместного поедания шашлычков, и с тех пор они часто ходили перекусить.

Даже Ся Пипи не выдержал и съязвил, что вся дружба Лу Няня строится на еде. Услышав это, Лу Нянь рассмеялся, и, подумав, понял, что так и есть. С Кеем было так, с Чжу Е было так, со Старинной Чжаном и Ся Пипи тоже подружились после совместной трапезы, и теперь с Су Цинчэном тоже.

После общего ужина съёмочной группы Лянь Чжэн настоял на том, чтобы отвезти Лу Няня домой. Поскольку он вёл себя слишком естественно и открыто, Лу Няню было неудобно отказать, и он согласился.

В машине Ся Пипи, здоровяк ростом под метр девяносто, сидел на заднем сиденье, стараясь быть как можно незаметнее. Лу Нянь сидел впереди и время от времени перекидывался словами с Лянь Чжэном. Когда они подъехали к вилле, Лянь Чжэн обернулся и сказал Ся Пипи:

— Мне нужно пару слов сказать с Няньнянем наедине, не мог бы ты сначала вернуться?

— А? О, — сказал Ся Пипи.

Ся Пипи сначала заколебался, но, увидев, как Лу Нянь кивнул ему, подумал о разнице в силе между людьми и ими самими и всё же вышел из машины.

В машине остались только Лу Нянь и Лянь Чжэн. Воздух застыл на некоторое время, прежде чем Лянь Чжэн заговорил:

— С завтрашнего дня тебе больше не нужно приходить в съёмочную группу.

— Угу, угу, — согласился Лу Нянь.

Раз съёмки его сцен закончились, естественно, необходимости приходить в группу не было.

Увидев, что у Лу Няня выражение лица «я знаю» и «ничего особенного», Лянь Чжэн почему-то почувствовал досаду:

— Ты рад?

— Конечно, — с улыбкой ответил Лу Нянь. — Это мой первый раз на съёмках, я не думал, что всё пройдет так гладко. Спасибо, брат Лянь, за заботу все эти дни, я многому научился!

Лу Нянь был предельно искренен, и Лянь Чжэну стало ещё более досадно. Он подумал и в конце концов только сказал:

— Возвращайся пораньше и отдохни.

— Хорошо, спасибо, брат Лянь, что отвёз меня, счастливого пути, — легко попрощался Лу Нянь.

Он открыл дверь и увидел ждущего неподалёку Ся Пипи, а рядом с ним — Чжу Е. Его лицо просияло от радости:

— Брат Е, что ты здесь делаешь?

Глядя, как Лу Нянь побежал к Чжу Е, и они, смеясь, о чём-то говорили, выглядя очень слаженно, Лянь Чжэну стало ещё тяжелее на душе — неужели хорошие отношения между Лу Нянем и Чжу Е — это не просто пиар?

Машина развернулась и быстро исчезла в красках ночи.

Чжу Е, казалось, невзначай взглянул на исчезнувшую машину, затем, придя в себя, посмотрел на Лу Няня и улыбнулся:

— У знакомого появились свежие креветки-богомолы, я подумал, что они очень вкусные, и привёз тебе две коробки.

Хмык...

Лу Нянь инстинктивно посмотрел на Ся Пипи, и, как он и ожидал, на лице того было написано, что он горько страдает.

Чжу Е поговорил с Лу Нянем всего несколько слов, а потом поспешил на мероприятие.

Разве нужно было специально приезжать, чтобы просто привезти две коробки креветок-богомолов?

— Какие там креветки-богомолы, он просто специально приехал, чтобы взглянуть на тебя, — прозвучал в ушах начитанный ответ Ся Пипи, и Лу Нянь понял, что он пробормотал это вслух.

Те две коробки креветок-богомолов занесли в виллу. Открыв их, увидели, что все с икрой, все живые. Креветки-богомолы в море обладают довольно сильной атакой. Будучи осьминогом, даже имея восемь щупалец, Ся Пипи нечасто ел креветок-богомолов.

Лу Няню были интересны все морепродукты, но из-за присутствия Ся Пипи он не мог проявлять это слишком явно. Однако неожиданно Ся Пипи оказался очень великодушным, сказав, что уже привык видеть сородичей на обеденном столе.

Раз Ся Пипи не возражал, у Лу Няня и Старины Чжана не было причин тратить продукты впустую. Морепродукты, морепродукты — их всегда лучше есть свежими.

Они вдвоём зашли на кухню: Старина Чжан, бывший повар, взял на себя главную роль, а Лу Нянь помогал. Часть креветок-богомолов приготовили на пару, другую часть обжарили в

остром соусе, а ещё часть заправили маслом — можно сказать, «три способа приготовления одной креветки».

Приготовленные креветки-богомолы стали красными и твёрдыми снаружи, но, очистив панцирь, мясо было жирным, нежным и свежим. Приготовленные на пару макали в соус с уксусом и горчицей, а затем отправляли в рот — остро и ароматно, невероятно свежий вкус.

Красные креветки-богомолы, золотистая икра — сколько ни ешь, всё мало.

Даже Ся Пипи присоединился к поеданию креветок-богомолов. Рыба ест рыбу, креветка ест креветку — это обычное дело.

Лу Нянь не только сам ел, но и сделал фотографии, выложил в Weibo, отметив Чжу Е.

[Поющий Лу Сяньшэн V: Креветки-богомолы, не уходите, скорее поселитесь в моём животе!]

[Чжу Е V Спасибо, брат Е, за креветок-богомолов, очень-очень вкусно! Фото]

Фанаты кричали, что муж глубокой ночью раздаёт сладости и травит, это просто слишком!

В тот вечер Лу Нянь с радостью лёг в постель.

Но именно в эту ночь Лу Няню приснился кошмар.

Небо было тёмным, атмосферное давление очень низким.

На дороге были выбоины, повсюду стояли лужи. Лу Нянь думал о том, что нельзя наступать в воду, и обходил лужи, продолжая идти вперёд. Разум подсказывал ему, что это место ненормальное, и нужно как можно скорее уйти. Однако какая-то таинственная сила тянула его вперёд, в той бесконечной тьме было нечто чрезвычайно важное для него.

Лу Нянь шёл и шёл, видя, что небо становится всё темнее. Он как раз колебался, не вернуться ли обратно, как вдруг услышал знакомый голос.

— Лу Нянь...

Лу Нянь огляделся, голос приближался, и когда он снова раздался, показалось, будто кто-то говорит прямо за его спиной. Лу Нянь резко обернулся и увидел Сюй Дуна, плывущего по поверхности моря. Его хвост сиял золотым блеском, переливаясь, невероятно красивый. Не дав Лу Няню заговорить, Сюй Дун начал петь.

Тот небесный, прекрасный голос был тем, чем цзяожэнь больше всего гордились. Слушая песню Сюй Дуна, Лу Нянь радостно воскликнул:

— Брат Дун, твой хвост и голос уже в порядке...

Не успев договорить, Лу Нянь почувствовал, что что-то не так — что значит «уже в порядке», разве они раньше были повреждены?

Только подумав об этом, в голове Лу Няня внезапно возник образ, как Сюй Дун ранее показывал свой повреждённый хвост. Лу Нянь снова поднял голову, и перед глазами предстала другая картина. Лазурная морская поверхность исчезла, вместо неё были крутые скалы и обрывы, над которыми летали орлы, что делало пейзаж ещё более опасным и суровым.

Опустив голову, он увидел под ногами бескрайний обрыв. Стоило пошевелиться, как камни с края обрыва посыпались вниз, исчезая без следа. Лу Нянь уже собирался отступить назад, как, подняв голову, увидел цзяожэня со связанными руками, висящего на отвесной скале. Тело того цзяожэня было покрыто кровью, хвост изуродован, на рыбьем хвосте была одна рана за другой, глубокие до костей. Его длинные волосы были мокрыми и закрывали лицо, голова опущена, неизвестно, жив он или мёртв. Он не двигался, только когда дул ветер, его колотило о скалу.

Рядом кружили стервятники, готовые в любой момент, когда наступит смерть, клюнуть цзяожэня, чтобы насытиться. Лу Няню было невыносимо тревожно, он хотел подойти ближе, но между ними лежала пропасть в десять тысяч чжанов, и, стоило ему пошевелиться, камни у его ног сыпались вниз, невозможно было перейти.

Как раз когда Лу Нянь был в полном недоумении, произошло ещё более отчаянное: из-за долгого трения верёвка, на которой висел цзяожэнь, начала постепенно рваться. Когда осталась всего одна ниточка, тот цзяожэнь вдруг поднял голову. Его лицо было покрыто пятнами, все в шрамах, невозможно было разобрать, кто это.

Но Лу Нянь, сам не зная почему, открыл рот и крикнул:

— Брат Дун.

Сюй Дун глубоко посмотрел на Лу Няня, в глазах его была бесконечная печаль. Лу Нянь как раз думал, нельзя ли обойти, как верёвка, сильно изношенная от времени, не выдержала и внезапно порвалась.

Лу Нянь воочию увидел, как Сюй Дун упал с обрыва, и закричал разрывающим сердце голосом:

— Брат Дун...

<http://bllate.org/book/15296/1359240>